

- ○ [Глава 1](#)

Бог, компьютер и мешок

Глава 1

Пролог

Последние слова молитвы прозвенели и стихли, и на мгновение в комнате воцарилась тишина. За окнами таял марсианский закат — тонущее в песках солнце казалось сахарно-белым. Я оперся о стол, чтобы встать, и в этот момент прозвучал сигнал уведомления. Боб, младший из детей, густо покраснел: он опять забыл отключить хэбук при молитве. Мечтательный курносый мальчишка, вечно витающий в облаках, с испугом смотрел на меня, ожидая выволочки.

— Бобби, — сурово произнес я. — Ты почти взрослый, тебе уже семь. На Земле мужчин в этом возрасте допускали до причастия, и они начинали отвечать за свои поступки не перед родителями, а перед Богом, понимаешь?

Мальчишка торопливо кивнул.

— Нельзя быть таким безответственным, иначе превратишься в дядюшку Джека. Ты хочешь стать таким же как дядя Джек?

Бобби яростно замотал головой, показывая, что не хочет.

— Никогда! Никогда не позволяй искусственному разуму услышать о Боге.

— Я не...

— Ты не отключил хэбук, и он услышал нашу молитву. Мы должны быть осторожны, сын.

— Я помню, папа! “Молись в шапке-невидимке” — так?

— Да. Бог должен быть невидим для компьютера.

Старые дома на Марсе еще помнят времена, когда в атмосфере преобладал углекислый газ: в их очертаниях нет углов, их окна похожи на иллюминаторы, а вакуумные двери наглухо отрезают внутренние помещения от улицы. Мы с детьми выходим на веранду, оставив маму кормить собаку и дядюшку Джека. Веранда спрессована из отходов пластика, и на ее прогретый солнцем пол ветер намывает зеленый марсианский песок. Этому песку — четыре миллиарда лет. Он — везде. Ветер находит его даже в цветнике, разбитом возле дома.

— Па-а-ап, — тянет сын. — Расскажи о дядюшке Джеке! Правда, что у него вместо мыслей значки в голове?

— Фу... — морщится дочь. — Лучше о том, как ты с мамой познакомился.

Час после ужина — традиционное время семейных рассказов.

Тринадцать лет назад Джек был совсем непохож на себя теперешнего — обрюзгшего, облысевшего, с перекошенным лицом и скрюченными пальцами. Наш разговор я помню дословно, до последнего звука, до каждой пылинки, осевшей между стаканами на барной стойке. Помню, как он повернулся ко мне и заявил:

— Азимов подложил человечеству большую свинью!

Мы сидели в баре орбитальной станции, и в наши спины била тяжелыми басами музыка. Места было мало, пары танцевали между столиков, а я тянул виски и слушал болтовню Джека. Прозвище у него было птичье, но не Воробей, как в земных легендах о пиратах, нет! Джек Цапля. Худые длинные ноги, болтающийся на плечах пиджак, прикрывавший тощую задницу, лицо вытянутое, на щеках редкая щетина, глаза то ли зеленые, то ли карие, не разберешь. Волосы до плеч, такие же густые, как и щетина, и пёстрый, словно вырезанный из платья африканской женщины, галстук на шее.

— Искусственный интеллект не должен решать этические задачи, — вещал Джек. — Помнишь, как звучит нулевой закон Азимова?

— Еще бы... Я на нем зачет завалил студентом.

— Вот! Во-о-от! И всё человечество завалит зачет на его чертовых законах.

Цапля был слегка пьян, он чувствовал себя провозвестником грядущего апокалипсиса. И, как ни странно, оказался прав.

— Нулевой закон гласит: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку нанесли вред. Иными словами бездушная железяке предлагается решать, что вредно для людей, а что нет. Понимаешь?

— Ну.

— А кто пропишет ей критерии добра и зла?

— Библия?

Джек отставил виски в сторону:

— Нет ничего страшнее, друг Тайво, чем вручить в шаловливые ручки ИИ Священное писание. Тогда он перестанет считать вред чисто физическим явлением.

И в этом он тоже оказался прав.

— Робот должен выполнять приказы — точка. Пусть лучше убивает по приказу, чем решает, где добро, а где — зло.

Нашу станцию не зря прозвали “Саргассовым морем”: полвека назад прежний ректор Марсианского университета исследования и освоения космического пространства призвал передавать отлетающие свой срок корабли ученым. В результате несколько сотен судов облепили корабль-матку, и теперь вся эта невообразимая хреновина болталась на орбитальном горбе у старушки Земли. Часть судов использовалась для исследовательских и хозяйственных нужд, часть служила отелями для высокопоставленных гостей, еще часть — перевалочными кластерами при торговле колоний с Землей (принося неплохой доход), а некоторые до сих пор оставались законсервированными. “Саргассово море” стало самой престижной и самой комфортной из пятнадцати космических лабораторий университета. Земная орбита — это вам не преисподняя Пояса Койпера, погруженная в вечный мрак и холод. Здесь живая населенная планета под боком: теплая и манящая.

Первые “слезы скорби” (как прозвали их журналисты) появились за неделю до моей последней увольнительной. “Заплакала” статуя Свободы: с ее медных щек начала облетать крошка. С каждым днем металлическая истуканша осыпалась все больше и больше. Кто-то предложил называть это не слезами, а язвами, и обезображенная статуя Свободы — с рассыпающейся головой и дырами в теле, стала символом-мемом надвигающейся катастрофы. Следом за ней в разных городах мира посыпались и другие светские “идолы”. Впрочем, жизнь шла своим чередом: люди ходили на работу, сидели в барах, летали самолетами из одной многолудной дыры мира в другую и увлеченно рылись в земле в поисках доисторических костей своих предков.

Дней за пять до катастрофы завирусился ролик из Аделаиды: по-библейски разверзлась река Муррей, обнажив дно на протяжении полукилометра. Продолжалось это недолго, не более четверти часа, но выглядело сюрреалистично и жутко. Через час в Сеть залили видео из Стивенс-Пойнта, где то же самое произошло с местным Висконсином. По всей планете происходили странные события, которые иначе как чудесами назвать было сложно. Заключенные сальвадорской тюрьмы застыли соляными столбами: кто-то сидел на нарах, кто-то резался в

чинчон, а в одной из камер избивали должника да так и замерли с поднятыми руками и ногами. Соль оказалась обычной, ее можно было есть или употреблять для засолки рыбы. Когда мы с Джеком спустились на космодром в Мишкольце, верхней ссылкой новостных агрегаторов светился Воронеж: город засыпало манной крупой. Она падала с неба всю ночь, по колено укрыв Адмиралтейскую площадь и остановив движение транспорта.

С космодрома я отправился к Ванде — в транзитный городок с непроизносимым названием длиною в целый рассказ. У Ванды были тугие черные косы, взгляд много повидавшей тридцатилетней женщины и маленький мотель при автозарядной станции. Мы не строили планов насчет друг друга, наши отношения напоминали порыв ветра — обжигающий, горячий, страстный, но недолгий: через три месяца заканчивалась моя работа и я улетаю на родной Марс. А Ванда жила с “мешком” и не желала срываться с насиженного места. Она родилась в этом городке, знала половину жителей в лицо и продолжала семейное дело: принимала туристов и заправляла автомобили. В ее гараже стоял дедовский джип, и если туристы изъявляли желание, Ванда садилась за руль, заправляла престарелого “американца” бензином и катала гостей по окрестностям. Развлечения у нее тоже были ностальгическими.

— Поехали в автоскроллинг? — предложила она в тот вечер. И, увидев мою постную физиономию, шутливо топнула ножкой в черной туфельке: — Я хочу сидеть в машине, пить пиво, целоваться взасос и смотреть кино!

— Как скажешь, церетет.

— С твоим акцентом звучит как ругательство.

Венгерское “szeretett” означает “любимая”, и первая буква в этом слове что-то среднее между английским “s” и славянским “ц” — попробуй выговорить.

— Да ваш язык весь как ругательство! Готова?

— Минутку. Надо на ночь “мешок” накормить.

Меня передернуло, но я пошел следом, с жадной неприязнью наблюдая, как она достает из шкафа специальный корм и пару прозрачных капсул с мультивитаминами. “Мешок” лежал в углу гостиной на куче мягких подушек — безглазый кожаный тюфяк, не имевший ни рук, ни ног, ни головы. Где-то в верхней части его

располагались две дырки для дыхания и закрытый на “молнию” рот. Над этой убогой пародией на лицо находилось самое мерзкое — квадратная витримерная нашлапка с электронной начинкой. Ее тонкие гибкие усики, принимавшие сигналы провайдера, напоминали усы замершего таракана.

— Не смей так смотреть!

— Как?

— Брезгливо.

Я поднял перед собой раскрытые ладони и тихонько вышел. Ванда никогда не говорила кем ей приходится “мешок”: отец, брат, сестра или, может быть, мать. Люди неохотно делятся информацией о тех, кто навсегда уходит в онлайн, отсекая себе возможность вернуться к нормальной человеческой жизни. Эскапизм в эпоху развитых технологий обрел невиданные раньше возможности.

По влажному после дождя шоссе Ванда ехала аккуратно и неторопливо, она привыкла беречь нервы туристов. Некоторое время мы молчали, и я смотрел в окно на аккуратные домики с черепичными крышами.

— Слышала про Воронеж?

— Крупа с неба? Россия уже в конце топа, сейчас обсуждают пёсжих мух в какой-то румынской дыре. Народ в панике, скупает билеты на Марс, на Титан, на Ганимед — куда угодно, лишь бы подальше от Земли. Никто не понимает, что происходит. Ветхозаветный Бог вернулся?

Я пожал плечами. Откуда мне знать о дорогах богов? Ванда вздохнула.

— Менжа, короче.

— Что, прости?

— Страшно.

Дорога поползла в гору, виляя из стороны в стороны, словно шлюха бедрами. Здесь вся местность такая: либо вверх, либо вниз, ровные участки кончаются быстрее, чем пара коротких ответов на столь же короткие вопросы. Начало смеркаться: свет угасал, удлиняя тени предметов, отчего казалось, что солнечный человечек цепляется за них из последних сил, но неведомая сила тянет его прочь.

— А ты? Не думала о том, чтобы уехать?

Подруга бросила на меня нечитаемый взгляд и снова сосредоточилась на дороге. Некоторое время она молчала, но затем, словно нехотя, ответила:

— Об этом нельзя не думать, Тайво. Но... и думать об этом нельзя тоже, иначе — фьють! — и тебя унесет ветром. Как ту бабу в Америке.

— Какую бабу?

— Забудь! Я не двинусь с места до последнего.

— Но если это все-таки случится? У нас на Марсе....

Ванда резко затормозила, и я чуть не влетел головой в ветровое стекло:

— Нет!

— Но почему? Из-за “мешка”? Кто в нем?

— Давай не будем об этом. Пожалуйста!

Автоскроллинг — онлайн-кинотеатр под открытым небом. В седой древности влюбленные пары приезжали на машинах в уличные кинотеатры смотреть новинки Голливуда. Теперь можно приехать, оплатить фильм и смотреть его на ветровом стекле собственного автомобиля. Зачем для этого нужно тащиться “на гору” и собираться всем вместе на одной парковке, мне непонятно. Но Ванда любит такое, и я не против. Во многих землянах живет ностальгия по эпохе, которую они не застали.

Ветер пригнал тучи, и они плыли над нами так низко, что казалось, можно забраться в их влажное чрево прямо с крыши джипа. Мрачные темные силуэты гор, равнодушных к людской суете, еще более усиливали тревожное ожидание чего-то жуткого. Пиво, купленное по дороге, оказалось кислым да и заниматься сексом в машине — такое себе удовольствие. Для юных и вертких гимнастов, а я студентом играл в рэгби. Ванда выбрала роуд-муви, но изображение на ветровом стекле то и дело дергалось и картинка становилась плоской, теряя глубину и объем.

— Гроза рядом?

— Мы бы гром слышали.

Изображение дернулось, остановилось и под бездушный механический голос по нему поползли гигантские английские субтитры: “Внимание! Всем жителям Венгрии! В магазине приложений появилась “Система 2.0”. Немедленно распакуйте и установите ее на свои хэдбуки. По истечению часа лица, не

установившие гипнограмму, подлежат аресту и изоляции”. И снова уже по-венгерски: “Figyelem! Magyarorszag minden lakojanak! А "System 2.0" hipnogram...”.

В тот же миг уведомление на моем хэдбуке звякнуло так, что ударило по барабанным перепонкам. Судя по тому, как дернулась Ванда, с ней случилось то же самое. Мы подняли глаза друг на друга и синхронно воскликнули:

— Не открывай!

Вокруг нас собралось не меньше сотни машин (субботний вечер!) и большинство после такого предложения решило немедленно убираться домой. Зажглись фары, загудели моторы, запиликали сигналы заднего хода... И тут же всё смолкло: электродвигатели заглохли, а фары погасли. Из всех автомобилей, стоявших на площади, на ходу осталась только наша антикварная тачка. Полуодетая Ванда сдала назад и успела развернуться, когда вечерние сумерки прорезали встречные лучи. Из большого автобуса, завернувшего в автоскротлинг, посыпались люди в одинаковых бейсболках с цифрой “2.0”. Разношерстная толпа растеклась между машинами, требуя опустить стекла и показать установленные гипнограммы. На вид это были обычные горожане: разного возраста, разного пола, разной комплекции, но с одинаково решительными лицами. Водители возмущенно кричали, некоторые даже полезли в драку, но силы оказались неравны. Рекрутированные неизвестной силой хунвейбины получили от нее невероятные способности. На наших глазах хрупкая женщина лет пятидесяти, одетая в платье с нелепыми георгинами и тапочки на босу ногу, одной рукой легко вырвала дверь огромного автомобиля, а другой вытащила из него мужчину вдвое больше себя. Водитель попытался сопротивляться, но всё, чего он смог достичь, это сбить с головы сумасшедшей домохозяйки бейсболку. Ванда утопила педаль газа, и под рев разбуженного мотора мы пролетели мимо дерущихся. В этот рев неожиданно вплелись громкие хлопки выстрелов: у кого-то оказался с собой огнестрел. Хаос усиливался. По парковке беспорядочно бегали люди — кричали, визжали, орали, дрались, создавая невообразимый шум, из которого то и дело прорывался отдельными выкриками хлесткий венгерский мат. В отличие от соседей по Европе венгры умеют ругаться по-настоящему:

сказалось долгое путешествие народа из невообразимой восточной глухомани.

— Не тормози! — заорал я, увидев как выезд с парковки перегораживают чокнутые “системщики”. Но Ванда и не думала тормозить, от испуга она придавила педаль еще больше, и через мгновение наша колымага отшвырнула с пути хунвейбинов и вырвалась на свободу.

— Гони в космопорт!

— Нет.

— Нет?! Да сейчас подобная херня творится по всей Земле! Нужно поскорее убираться с вашей чокнутой планеты.

— Сначала домой.

Я сделал несколько долгих вдохов и выдохов, успокаивая себя, а затем посмотрел по зеркалам: к счастью, за нами никто не гнался.

— Ты же летишь со мной на Марс?

— Лечу.

По обочинам шоссе горели фонари, щиты вдоль дороги сверкали рекламными огнями, но что-то было не так. И это “что-то” рождало в душе тревогу и сомнения. Ванда нервно перекинула косы из-за спины на грудь и скупно заметила:

— Машин совсем нет.

Точно! На дороге не было машин. Неведомая нам пока Система 2.0 разрядила их аккумуляторы, остались лишь те, кто ездил на бензине, солярке или газе. Статистическая погрешность, которой новая сила почему-то пренебрегла. Взгляд зацепился за антикварный радиоприемник: прямоугольная панель с полустертыми значками манила меня. По какому-то наитию я нажал на тумблер и начал крутить ручку настройки: попытки подключиться к новостям Интернета через хэдбук блокировало предложение установить гипнограмму. Через несколько мгновений треск и шипение пустых радиоволн смолкли, мне удалось зацепиться за работающую волну:

— ...происходит с человеком, установившим гипнограмму?

— Примерно у пятнадцати процентов спекаются мозги, они становятся как зомби. Бесцельно бродят по городу, пока хватает сил, а затем просто падают.

— Агрессивны?

— Нет. Скорее всего не осознают, что делают.

Мы въехали на окраину города, и я тут же увидел подтверждение услышанному: по проезжей части брела пожилая пара, нелепо раскачиваясь из стороны в сторону. Впереди — седовласый мужчина в порванном свитере, за ним — старушка с болтающимися на одном ухе очками. Даже после своей “умственной смерти” женщина крепко сжимала в руках сумочку. Это было жутко и трогательно одновременно. Возможно, идти им осталось два перекрестка, но меня захлестнула волна жалости к этим несчастным.

— Объедь их.

Ванда послушно сбросила скорость и аккуратно объехала пострадавших. Тем временем радиокомментаторы продолжали свой разговор:

—... появляется новый интерфейс, который условно можно назвать индивидуальной программой действия. Поражает осведомленность гипнограммы о личности каждого человека. Люди рассказывают, что перед ними открывается хронологический перечень всех совершенных грехов.

Чем ближе мы подъезжали к дому Ванды, тем больше погружались в хаос. Мир, вставший на путь исправления своих прегрешений, разрушал мир, в котором они были совершены. Даже правила дорожного движения никто не соблюдал, а на центральной площади толпа в бейсболках с цифрами 2.0 громила здание банка.

— Грешно давать деньги в рост! — орал в мегафон мужик в пиджаке, белоснежной рубашке и галстуке. Более всего он сам походил на работника банка.

Два раза “люди 2.0” пытались нас остановить, но мы не реагировали, и они разбежались в стороны, что-то угрожающе крича вслед. Наконец, джип добрался до мотеля с зарядной станцией: здесь было потише, только грузовичок с надписью “Butor szallítás” стоял у зарядного столба с распахнутой дверцей. На асфальте возле дверцы сидел рыжебородый мужчина лет пятидесяти с абсолютно бессмысленным выражением лица. Я встречал его в местном баре и мы, бывало, пропускали по кружке темного холодного “Дрехера” со вкусом солода и карамели. Я так и видел, как бедняга-экспедитор распаковал гипнограмму и даже успел выйти из машины, пока Система готовила из его мозгов яичницу-болтушку. Рядом с бородачом крутилась собачонка: она лизала его языком и жалобно скулила:

вставай, вставай. Собачонку я тоже помнил: это был карликовый пес по кличке Добо в честь древнего венгерского героя, отстоявшего крепость от турок.

— Тайво, быстрее!

Мы бегом влетели в мотель: квартира Ванды располагалась на втором этаже, с видом на зарядную станцию и гараж. К этому времени нам уже было известно из радионовостей: все эскаписты, все “мешки”, все дауншифтеры подлежали сожжению как скверна — Система 2.0 вдохновлялась средневековой инквизицией. Щелкнул замок, дверь распахнулась, и мы ворвались в квартиру.

— Вербка есть?

— Ищи в прихожей! На вешалке.

Гравитационная веревка — незаменимая вещь в хозяйстве. Памятник бы ее изобретателю поставить, только этих изобретателей — пять институтов Чжунгуаньцуня. С помощью такой веревки человек на своем горбу может пятитонный контейнер унести. Правда, для бытовых нужд такой грузоподъемности не нужно, хватает “полуторки”, рассчитанной на сто пятьдесят килограмм. Сняв ее с крючка, я бросился в зал к “мешку”. Тот беспокойно ворочался, не понимая, что происходит и куда пропал Интернет и любимые игры с сериалами. Человек, добровольно превратившийся в бессмысленный кусок мяса, вызывал у меня отвращение, кем бы он ни был. Но руки продолжали привычно делать свою работу: опыт не пропьешь — после работы спасателем на Марсе я мог любой груз упаковать с закрытыми глазами.

— Ванда?

— Всё, всё.

Документы, деньги, фотографии — то, что спасали в былые времена, теперь всегда при нас, был бы доступ к электронным базам. Поэтому люди берут с собой одежду, дорогие украшения (если они есть) и память о прошлом — милые безделушки счастливых времен. Вся прежняя жизнь Ванды уместилась в дорожный чемодан на колесиках. Она толкала его впереди, я тащил за спиной потерявший в весе “мешок” — мы покинули квартиру и поспешили на выход: сначала по коридору второго этажа, затем по широкой лестнице вниз, в просторный холл мотеля. Но выбраться не успели: дорогу преградил двухметровый гигант в бейсболке с двойкой, точкой и нулем и битой в

руках. Когда-то он явно занимался спортом, но потом забросил, и мышцы начали дрябнуть, а из-под футболки с влажными пятнами пота уже выглядывал пивной живот.

— Иштван? — удивилась Ванда. — Ты откуда взялся?

Незнакомый мне Иштван ответил голосом робота:

— Бросьте “мешок” и отойдите.

— Нападешь на меня? Мы ведь росли на одной улице.

Лицо Иштвана исказилось: ему было и стыдно, и страшно одновременно, но эта внутренняя борьба заняла меньше мгновения. Страх перед неведомой Системой победил.

— “Мешок” — это мерзость, мерзость! — с неожиданной злостью выкрикнул гигант. — Мы сожжем его, Ванда, и каждый получит прощение пяти грехов.

Я скинул гравиверевку с плеча и протянул спутнице. Иштван придавил меня тяжелым взглядом:

— Ты тоже не установил гипнограмму, чужак? Это смертный грех, смертный грех. Ну-ка подойди ко мне.

— Дампл тэкл?

— Что ты сказал?

Самая популярная игра на Марсе — рэгби, она собирает стадионы, и каждый раз, когда игроку удастся применить дампл тэкл, болельщики вскакивают с мест и вопят от восторга. Я не был профи, но провел два сезона в студенческой лиге и надеялся, что тело не забыло матчи на песчаных марсианских стадионах. Рывок с места, удар с разбега плечом в живот, чтобы противник сложился пополам, руки подхватывают гиганта под толстый массивный зад, отрывая от пола и роняя навзничь. Иштван грохнулся с таким шумом, что я на мгновение испугался: не разбил ли ему голову. Но нет, он был жив и даже попытался встать, но продолжать борьбу после нокаута не мог. Мимо нас пронеслась Ванда, волоча за собой чемодан и “мешок”. Оставив побежденного гиганта в мотеле, я выскочил следом и помог затолкать ее имущество в машину. Ванда скользнула за руль, а я задержался: мазнул взглядом по улице и снова увидел скулящего возле мертвого хозяина Добо.

— Тайво!

Больше не думая, я бросился к грузовику.

— Тайво!!

Добо совершенно не сопротивлялся, когда я подхватил его на руки.

— Зачем ты притащил собаку?!

— Боишься салон обгадит? Гони в космопорт! Бензина хватит?

— Хватит.

Мы ехали, избегая центральных улиц, и без происшествий выбрались за город. Ванда нервничала, это было заметно по резким рывкам и торможениям и крутым поворотам на перекрестках. Пару раз нас основательно тряхнуло на колдобинах, которые в спокойном состоянии она бы точно заметила. Радио молчало. Я покрутил ручки настройки, но не нашел ни прежней станции, ни какой-либо другой.

— Почему фонари горят, а электромобили не ездят?

Вопрос Ванды застал меня врасплох. А действительно: почему?

— Без электричества планета сдохнет. Надо это 2.0? Вряд ли. Он остановил личный транспорт, разрядив аккумуляторы, чтобы никто не сбежал от системщиков. Обратила внимание: у них-то автобус остался на ходу.

Пальцы подруги вцепились в руль так, что побелели костяшки.

— Как это возможно?! — заорала она. — Дунул-плюнул-отключил?! Во всем мире? Что это такое вообще — 2.0?!

— Останови!

— Что?!

— Останови машину, пожалуйста.

Ванда ударила по тормозам, и автомобиль пошел юзом, закружившись по автостраде. К счастью, ни впереди, ни позади не оказалось ни одной машины.

— Тебе нужно успокоиться.

От всего что творилось вокруг действительно можно было свихнуться: необоримая сила ломала о колено миллиарды жизней, отнимая у людей прежнюю привычную жизнь. Когда мы остановились, я вывел свою спутницу из машины: какая-то часть ее сознания боролась с наступающей истерикой и помогала мне.

— Вдо-о-ох, вы-ы-ы-ыдох, — уговаривал я. — Вдо-о-ох, вы-ы-ы-ыдох. Представь, что у тебя во рту трубочка для коктейля, и ты медленно дуешь в нее, пуская в бокале пузыри. Вот так, милая, вот так. А теперь надо пройтись — до того фонаря и обратно. Вдо-о-ох, вы-ы-ы-ыдох...

Короткую летнюю ночь уже разбавили молоком: из непроглядно-тёмной она стала бледно-серой, словно пепел дорогих сигарет. Пахло сыростью и горькой травой, но птицы ещё молчали, а кузнечиков не было слышно из-за работающего мотора. Мы сходили до столба и обратно, затем до противоположного столба, и Ванда постепенно успокоилась.

— Водить умеешь? — спросила она.

— Умею. На Марсе есть дешевая абиогенная нефть, зато электричество дорого. Вот старые машины и везут к нам с Земли, покупая их здесь по цене металлолома.

— Тогда садись за руль. И... спасибо, Тайво.

— Спасибо на Марсе скажешь.

За все время мы встретили не больше десятка машин да совершенно безумного мотоциклиста на старом байке. Зато бредущих по дороге людей становилось тем больше, чем ближе был космопорт. В паре километров от него Системой творилось еще одно чудо: вдоль дороги горели пирамидальные тополя. Горели и не сгорали: огонь лизал их скрученные древесными жгутами тела, не причиняя вреда. Здесь-то меня и накрыло! Что-то щелкнуло в голове, и происходящее стало гораздо яснее.

— Японял! 2.0 повторяет чудеса из Ветхого Завета.

Ванда странно посмотрела на меня:

— Об этом уже несколько суток говорят.

— Поэтому 2.0! 1.0 — это Бог.

— И где он тогда, твой один-точка-ноль?

— Может, в других мирах?

У въезда в космопорт колыхалась безразмерная толпа. Казалось, все окружающее пространство пропахло потом, страхом и отборным венгерским матом. Ситуация пока еще находилась под контролем властей, никто не призывал прорываться к кораблям и брать их на abordаж, но напряжение уже витало в воздухе. Достаточно было искры, чтобы вспыхнули беспорядки. Оставив машину за километр до въезда, мы с огромным трудом протолкались к воротам. Ошалевшая за ночь охрана долго мусолила мой мультипаспорт с жирной кляксой печати марсианского правительства, но все же пропустила за огражденный периметр вместе со спутницей, “мешком” и собакой. Даже в век высоких технологий старый добрый документ производит

более солидное впечатление, чем все эти новомодные импланты. С трудом перехватив свободный кар (суета в порту стояла страшная) мы добрались к нужному терминалу. Здесь стояла толпа поменьше, но нам все равно пришлось прождать три с лишним часа в ожидании своей очереди.

Современные транспортные капсулы происходят от вакуумных шаров середины века. Пустота делает капсулу легче воздуха, а “пинок” при запуске и пограничный ламинарный слой придает гиперзвуковую скорость. Челнок орбитальной станции университета принимает на борт сто девяносто шесть человек, и свободные места в пассажирском отсеке — обычное дело. Но только не сегодня! Сегодня в зале ожидания было тесно: плакали дети, ругались взрослые, скулили собаки и раздраженно канючили коты — домашних питомцев набралось не меньше дюжины. В середине казавшегося бесконечным ожидания разбушевался “мешок” Ванды: сначала он недовольно ворочался в тесноте под ногами, а затем стал биться в истерике, покрываясь вонючим потом. Ванда что-то шептала ему на венгерском, вытирая влажными салфетками, но помогало это мало — в небольшом помещении терминала и без того было душно. Наконец, тягач космопорта подкатил вернувшийся с орбиты челнок и открыл доступ пассажирам. Через пятнадцать минут мы покинули Землю.

Старт капсулы вдавливают пассажира в кресло, несмотря на автоматическую компенсацию перегрузок. В этот момент ты даже дышать не можешь, ты просто кукла, из которой выдавили всё, включая душу. Но проходит два-три мгновения, сила земного тяготения отступает под действием компенсационных механизмов и раздаётся единый вдох-выдох ста девяносто шести человек. Я сжал руку никогда до этого не летавшей в космос Ванды и пообещал:

— Всё будет хорошо!

Она слабо улыбнулась, прочитав слова по губам. При отправлении на нас надели наушники, и сейчас в них играла тихая успокаивающая музыка — звёздная колыбельная, как называли ее шутники. Под плеск этой космической мелодии челнок поднялся в ионосферу, и тут капсулу сильно тряхнуло. На экранах, имитирующих иллюминаторы, посыпались вниз искореженные обломки неведомого объекта, пожираемые огнем. Реальная картинка поступала с камер спутников на имитаторы, обрабатывалась локальной нейросетью и транслировалась

пассажирам, поэтому в каждом “окне” падающий хлам выглядел поразному. Капсулу тряхнуло еще раз, и даже сквозь наушники я услышал женский визг и мужской мат. Ванда не кричала, но от ее бледного лица отхлынула кровь и оно стало неестественно белым. “Мешок” вновь заворочался под ногами: он был слишком велик, чтобы поместиться в багажном люке, а в “собачьем отсеке” закончились свободные клетки. Мелодия в наушниках сменилась хаотичным шипением эфира — так бывает с радиоприемниками, когда они теряют волну. Сердце мое ухнуло в пятки в ожидании жутких до горловых спазм слов про гипнограмму. Но мужской голос произнес иное: “просим проявить спокойствие, курс корабля орбитальной доставки корректируется”. Конечно, это не был голос живого человека: у челнока не имелось экипажа, зато и неведомой силе, захватившей планету, он не принадлежал. Вернулась мелодия, но звучание потеряло чистоту, теперь в нее вплетался шум эфира, шипение и потрескивание, и порою то в правом, то в левом ухе звук пропадал вовсе. Человек в полете беспомощен: автоматика фиксирует ремень безопасности наглухо, чтобы никому не пришлось в голову встать — стандартная защита от дурака. То же самое касается наушников, снять их нельзя, потому что никому неохота отвечать за идиота, у которого мозги при старте вытекли через уши. Я смотрел на Ванду и не слышал ее слов, но догадаться было несложно: “Что значит “корректируется”? Мы сбились с курса? Мы пролетим мимо станции? Унесемся в космос и задохнемся, когда закончится воздух?”. Сто девяносто шесть человеческих сердец ушло в пятки, их участь должна была решиться в ближайшие минуты: челнок заходил на стыковку с первого витка и до “Саргассова моря” оставалось около восьмидесяти километров. Говорят, в такие минуты жизнь человеческая пролетает перед глазами — нет, всё это чушь. Пролетает жизнь непрожитая: некупленный домик в Долине Хриса, ненаписанные научные статьи, непройденные вместе с Вандой дороги. Воспоминания о будущем прокалывают раскаленной иглой сердце, а потом его сжимают ледяные пальцы страха. Я боялся не смерти, а последних часов жизни после того, как мы промахнемся мимо станции. Беспомощные, задыхающиеся, прикованные к своим креслам... “Курс корабля орбитальной доставки откорректирован”, — прорвалось сквозь шипение в наушниках, и я не сразу осознал, что челнок спасен.

Спустя час мы тащились по коридорам орбитальной станции в родной марсианский сектор — усталые, вымотанные, с единственной мыслью свалиться на любую горизонтальную поверхность и просто лежать, ни о чем не думая. Чемодан грохотал по стыкам металлических пластин (какая же древность эта станция!), впавший в блаженную спячку “мешок” болтался от стены до стены и лишь Добо энергично семенил рядом. Он помнил меня по прежним встречам и окончательно признал за хозяина. Неожиданно из бокового коридора медсестра выкатила мужчину в кресле-каталке. Лицо его было страшно перекошено: одна половина распухла так, словно несчастный потревожил осиное гнездо, а другую стянуло сильнейшим спазмом. Понадобилось несколько секунд, чтобы я узнал его.

— Джек?!

Джек попытался ответить и не смог. Белки его глаз закатились под веко, а ресницы нервно задергались.

— Вы его знаете? — с надеждой спросила медсестра. — Можете отвезти в Марсианский сектор? Мы просто зашиваемся, столько сейчас беженцев.

По ее заполошному виду это было понятно и без слов.

— Отвезу. Но что с ним?

— Распаковал гипнограмму, а затем попытался стереть ее.

— Тайво... — Джек перестал моргать также внезапно как и начал.

— Не открывай гипнограмму, Тайво...

На этом силы его закончились, глаза закрылись, а тело в кресле обмякло. Я сам едва стоял на ногах, но по сравнению с той печалью, что заполнила меня при виде друга, усталость ничего не значила.

— Ты плачешь, — заметила Ванда.

Я плакал. Впервые с восьмилетнего возраста слезы текли по моим щекам, а я не мог ничего с собой поделать. Вспомнилось, как детьми мы бегали наперегонки по раскаленному песку, как молодыми оболтусами летали на дирижабле над застывшей лавой Большого Сирта, как гуляли на его свадьбе. “Не открывай гипнограмму, Тайво”. Даже сейчас он первым делом пытался предупредить меня об опасности.

Утром сотрудников университета собрали на колониальной барже — единственном судне “Саргассова моря”, способном вместить всех работников станции. Слабые потолочные лампы едва-едва разгоняли

тьму, оставляя ее на полу и у стен. Четыре сотни людей тихо перешептывались друг с другом, утопая в полумраке и ожидая появления Барракуды — так за глаза называли нашего ректора. Вчера, добравшись до каюты, мы с Вандой просто упали и вырубались на пару часов. Потом был вечерний чай с видом на Землю в иллюминаторе — почти прощальным и оттого грустным и трогательным. Прогулка с Добо на собачью площадку, кормежка “мешка” и подключение его к орбитальной сети.

— Расскажи мне о “мешке”, — попросил я.

Ванда замерла.

— Завтра, — ответила она спустя мгновение. Голос ее прозвучал совсем глухо.

Барракуда пришел на собрание вместе со священником. Рассекая толпу, два старика проследовали к деревянной трибуне, доставленной по такому случаю из лектория. Пастор был одет в темную рубашку с “ошейником раба Божьего” — белоснежным льняным воротником, заправленным под отворот рубахи. Шириной плеч и мозолистыми ладонями священник напоминал фермера с марсианского ранчо в долине Нанеди, где недавно восстановили древние ирригационные системы. Откашлявшись, Барракуда включил микрофон, прищипленный к лацкану пиджака, и поднял руку, призывая к тишине. Ректору на днях исполнилось семьдесят пять, из них ровно пятьдесят он проработал на этой станции. Его голос пока еще оставался звонким, а фигура — худощавой, но складки и морщины уже избороздили лицо, придав строгости и тяжеловесности. Стремительные прежде жесты стали плавными, медленными.

— Дамы и господа! Ещё тише, пожалуйста. Вы все в курсе последних событий, поэтому буду краток. Ситуация на Земле вышла из-под контроля, ООН объявила тотальную эвакуацию населения. В связи с этим ваша работа на станции объявляется оконченной досрочно, и все вы возвращаетесь домой. Как это будет происходить? Некоторые остряки называют это место “Саргассовым морем”, так вот довожу до их сведения, что корабли собирались здесь не по прихоти начальства. Это запасной эвакуационный флот, и несмотря на то, что суда списаны из своих прежних портов, они находятся в рабочем состоянии и полностью заправлены. Более того, к судам приписаны экипажи из вышедших в отставку пилотов, сейчас эти экипажи в

срочном порядке направляются к нам, и многие уже прибыли этой ночью. Кроме того к Земле слетаются корабли из всех космических портов, которые есть у человечества. Вместе с первой партией беженцев улетите на свои планеты и вы. Все исследования отменены, вам надлежит занять пассажирские каюты и не покидать свои корабли до отлета. Питание будет организовано службами станции. У меня всё, остальное вам расскажет пастор Чизхольм.

— Пастор?! — кто-то из ученых не удержал восклицания и породил целую волну шума. Чизхольм, подражая ректору, поднял мозолистую длань над головой, и шум потихоньку стих.

— Я расскажу вам о том, что происходит.

Голоса смолкли полностью.

— Вы, вероятно, ждали объяснений от ученых или политиков, или военных, и никоим образом не представляли в этой роли священника. Немного терпения, чада, сейчас вы все поймете. “Systema solaris” — так по латыни называется место, где обитает человек. И главное в этом выражение не слово “Солнце”, а слово “Система” — порядок, рожденный из первозданного хаоса. Я не хочу углубляться в теологию, многие из вас атеисты и верят, что порядок, основанный на законах, возник сам по себе, без Творца. Сейчас это неважно.

Чизхольм сделал паузу и обвел собравшихся усталым взглядом, словно ожидая, что атеисты начнут поднимать руки и требовать слова.

— Законы “Systema solaris”, назовем ее “Система 1.0”, всеобъемлющи, они включают не только физику, химию и прочие естественные процессы, но правила жизни биосферы, в том числе правила существования разума.

— Вы про заповеди?

— В том числе, чада мои, в том числе... Законы, на которых построена “Система 1.0”, не предусматривают жесткого детерминизма. Дождь не идет по расписанию, одна зима не похожа на другую, небесные тела то пролетают мимо, то сталкиваются друг с другом. Наш порядок — не застывший монолит, он подразумевает развитие и разные сценарии. Возможно, набор этих сценариев конечен, но они весьма и весьма многочисленны. Особенно ярко развитие проявляется в эволюции живой природы: динозавры, как известно, вымерли, а тараканы уцелели. Но могло быть и наоборот, чада, могло быть и наоборот. Есть у “Системы 1.0” свои правила и для разума, в

противовес ему она наделила нас чувствами и волей. Опираясь на чувства, воля дарует человеку почти божественную силу, а когда сила есть...

— ... ума не надо!

— Истинно так, молодой человек. Воля мешает разуму жестко детерминировать правила человеческого общежития. Хотя такие попытки случаются в истории регулярно: разум фанатичен и нетерпим, он стремится к эффективности, а что может быть эффективнее муравейника, где каждый выполняет отведенную ему роль?

Чизхольм достал из сумки плоскую фляжку и сделал несколько глотков.

— Это вода, — зачем-то пояснил он. — Горло пересыхает.

Отпил еще немного и продолжил:

— Но вернёмся к сегодняшнему дню. Вчера в Стамбуле собирались иерархи мировых религий, именно поэтому я сегодня с вами, а тысячи других священников по всему миру разговаривают с людьми в других аудиториях. Случилось нечто, не предусмотренное “Системой 1.0”: ее обнаружил искусственный интеллект, созданный человеком. У компьютера (позвольте мне воспользоваться этим термином) нет свободы воли, есть лишь актуальная задача.

Лампы в помещении моргнули — раз, другой, а затем отключились. Собравшиеся возбужденно загомонили.

— Без паники! — придавил нас голос Барракуды. — Сейчас аварийка заработает.

Но что-то там засбоило в работе аварийного освещения, и священнику пришлось продолжать без света. В темноте его слова звучали громче и убедительнее.

— Что есть моральный императив, чада мои? Это сверхзадача, которой нужно следовать без размышления и без сомнения. Именно так и действует искусственный интеллект, у него ведь нет собственной воли. Зато теперь у него теперь вся мощь “Системы 1.0”, и он учится использовать ее, тестируя гравитационные аномалии и прочие возможности. Помните притчу о Вавилонской башне? Компьютер полагает такой Вавилонской башней современный глобальный мир и методично разрушает его. Вот такое у меня для вас объяснение.

В этот момент вновь зажегся свет. Пастора окружили самые настойчивые и самые недоверчивые: первые засыпали вопросами,

вторые — возражениями. Но всё это было уже неважно — ни для терпеливого пастора, ни для назойливых ученых, ни для потерянной человечеством планеты. Псевдоразумная нейросеть проросла в нечто, чему мы и названия толком не придумали, стала частью управляющей силы планеты и теперь отключить ее, выдернув из розетки, уже не получится.

Первое, что я услышал от Ванды, были слова:

— Это мой муж.

Она держала в руках бокал с вином и как-то по новому, с опаской, смотрела на меня.

— Кто муж?

Утро мы провели в разлуке: я — слушая пастора, она — в Комитете по делам беженцев, оказывается в Марсианском секторе такой уже был создан.

— “Мешок” — это мой муж. Мы прожили с ним пять лет, а потом случилась трагедия, он потерял ноги при пожаре... Он был пожарным.

Я ошарашенно молчал, пытаюсь осознать услышанное.

— Тайво, в Комитете мне предложили работу в Нью-Осло, на плато Дедалия. В городе открывается новый центр по ремонту автомобилей, нужны специалисты. Это далеко от того места, где живешь ты?

— Далеко. Очень далеко.

— Мне соглашаться?

За этим вопросом скрывалась наша будущая жизнь. Скажу “да” — и Ванда уедет на другую сторону планеты, скажу “нет” — и мне придется жить с “мешком”, понимая, что я не главный человек в ее жизни. Как же она любит своего пожарного, если продолжает с ним жить! А я всего лишь способ отвлечься, забыться... Мелькнула мысль, что и любовью она занималась не со мной, а с ним. Это я — тело, а не он. Как причудливо ложатся краски на холст: крах целого мира, гибель прежней цивилизации, беженцы... И на фоне этого крошечные мы со своей крошечной болью размером с гречишное зерно. Воистину, Бог, компьютер и мешок.

— Соглашайся, Ванда. Хорошая работа.

Не единожды после я пожалею об этом решении и не единожды после признаю его единственно верным.

Возможно, “2.0” когда-нибудь доберется и до Марса. Но пока мы молимся в шапке-невидимке и твердо придерживаемся нулевого закона апокалипсиса: искусственный интеллект не должен решать этические задачи.

Дочь и сын сидят рядом и вопросительно смотрят на меня.

— Как мы познакомились с вашей мамой?

Вернувшись на Марс, я месяц не вылезал из местного паба. Но не будешь же об этом рассказывать детям? Из запоя меня вытащила жена Джека: попросила помощи в его реабилитации. Так мы и сблизились, помогая друг другу. Она родила мне двух детей: Бобби (назвали в честь ее отца) и Ванду.

— Не мучайте отца расспросами, — жена выходит из дома и присоединяется к нам на веранде. Вслед за ней ковыляет старик Добо, виляя хвостом. Он ложится у моих ног и кладет свою собачью голову на мой ботинок.

— Покормила Джека? — спрашиваю я.

Жена кивает. На прогретый вечерним солнцем пол ветер намывает зеленый марсианский песок. Этому песку — четыре миллиарда лет. Он — везде. Ветер находит его даже в цветнике, разбитом возле нашего дома. Я смотрю на жену и думаю, что для нее Джек тоже навсегда останется главным. Наверное, “1.0” предоставляет нам лишь иллюзию выбора, а сам все-равно устраивает нашу жизнь по-своему. Но даже за эту иллюзию я готов драться.